И. Г. Васильева¹

**НА БЕРЕГУ РОССИЙСКОЙ ОЙКУМЭНЫ
(истории встреч и взаимоотношений декабристов
и буддийского духовенства Забайкалья)**

Статья посвящена некоторым фактам взаимного культурного и духовного обогащения представителей российской элиты – декабристов, сосланных в Забайкалье, и буддийского духовенства Бурятии. Хронологические рамки ограничены периодом с 20-х гг. XIX до начала XX в. Транслируется идея ценности отдельной личности, способной произвести существенные изменения в ценностных ориентациях близкого круга и социума в целом. Иллюстрациями служат примеры воспитания внебрачного сына декабриста и бурятки, впоследствии ставшего крупным меценатом, богатым и влиятельным человеком, а также пример брата хамбо-ламы, принявшего православие, выполнявшего деликатные поручения российского Генштаба. В статье рассматриваются примеры взаимодействия двух культур, внесшие заметный вклад в историко-культурное наследие страны.

Ключевые слова: декабристы, буддийское духовенство, Хамбо-лама, Гусиноозерский дацан, взаимопроникновение культур, Бестужев, Гомбоев.

I. G. Vasilyeva

**AT THE BORDER OF THE RUSSIAN OYCUMENA
(The History of Meetings and Relations of the Decembrists
and the Buddhist Clergy of Transbaikal)**

The article is devoted to the facts of mutual cultural and spiritual enrichment of the representatives of the Russian elite on the example of the Decembrists exiled in Transbaikal and the Buddhist clergy of Buryatiya. The chronological framework is limited to the period from the 20s of the XIX to the beginning of the XX centuries. The idea of the value of perpersonality, capable to make essential changes in the value orientations of a close circle and society as a whole is transmitted. Illustrations are the examples of education of the illegitimate son of the Decembrist and a Buryat woman who grew up in the large patron, the rich and influential person, and an example of the Khambo Lama's brother who accepted Orthodoxy, carrying out politically sensitive instructions of the Russian General staff. The article considers the examples of interaction between the two cultures that have made a significant contribution to the historical and cultural heritage of the country.

Keywords: Decembristst, Buddhist clergy, Khambo-Lama, Gusinoozersky datsan, interpenetration of cultures, Bestuzhev, Gomboev.

¹ Васильева Ирина Геннадьевна – независимый исследователь, г. Улан-Удэ, Россия.

Чрезвычайно интересны страницы истории Забайкалья, связанные со ссылкой сюда мятежной российской дворянской элиты после 1825 г., которых назовут декабристы. Свобода отнята, но «таланты и честь не отнимаются» [Мемуары 1988: 417]. Свобода оставаться собой, приспосабливаться и развиваться в иных социокультурных системах; углубляться в философию, религию, искусство, ремесла – все это поля внутренней свободы. В современном Селенгинском районе Бурятии есть место, радиус которого не превышает 50 километров. Там жили на поселении декабристы, неподалеку – члены английской миссии с семьями; там же находился Гусиноозерский дацан. Селенгинск – крошечная географическая точка на бескрайних сибирских просторах России, заштатный городишко, затерянный в степях, бесстрастно приемлющих все и всех, но стоит «дополнить взгляд на историю как на поле проявления разнообразных социальных общесоциальных закономерностей рассмотрением истории как результата деятельности людей» [Там же]. Намечая линию контакта буддийских монахов и декабристов (особенно селенгинских поселенцев), нужно сказать о расположенном в окрестностях Гусино озера храмовом комплексе – дацане, с 1809 г. остававшегося официальной резиденцией буддистов до момента его разрушения в первой трети XX в. Это был «один из крупнейших в Восточной Сибири монастырей с религиозно-философской школой; вместе с прилегающими к нему предместьями – единственный в Забайкалье бурятский “город” в несколько тысяч жителей с собственным административным центром, канцелярией, типографией, мастерскими, аптекой и другими службами» [Лотман 1992: 298].

В период, когда декабристы невольно заинтересовались религией, буддийской литературы на русском, французском или английском языках было немного. Тибетского и монгольского языков, конечно, они не знали. Необычная архитектура буддийских храмов и местных культовых сооружений все же интересовали их. Декабристам как людям высокообразованным в положении дефицита информации буддийский храм, несомненно, представлялся центром как религиозной жизни людей, исповедующих другую веру, так и восточной культуры.

Историю взаимоотношений таких ярких представителей Запада и Востока можно пунктирно проследить на примерах мятежников 1825 г. и буддийских лидеров Забайкалья на почти столетнем историческом отрезке. Одним из первых вдумчивых наблюдателей за буддийским духовенством первых десятилетий XIX в. был будущий декабрист Гавриил Степанович Батеньков (1793–1863), человек глубоко религиозный, с философским складом ума. Знакомство это, пусть неглубокое, состоялось, когда он, сибиряк по рождению (Тобольск), в качестве окружного начальника путей сообщения работал с великим Сперанским. Многоопытный сановник имел личные встречи с буддийскими иерархами – Хамбо-ламами, как в их резиденции, так и в Иркутске во время организации Библейского общества. Сослуживец Батенькова инженер А. И. Мартос познакомился и даже заночевал в юрте главы всех буддистов, оставив записи об этом в дневнике

1820-х гг. Не стоит исключать возможность бесед на буддийские темы двух столичных специалистов, командированных в Сибирь.

Батеньков сделал серьезный вклад в законодательство, подготовив проекты законов о сибирской ссылке, уставы о ссыльных и этапах. В работе над сибирской реформой он проявил себя сторонником сближения коренного населения Сибири с русскими [Васильева 1991: 27]. В Петербурге, еще до восстания, он сблизился с Николаем Бестужевым. Ко времени их знакомства Батеньков уже не понаслышке знал о бурятских буддистах, их нравах, обителях и руководителях.

О контактах декабристов с Хамбо-ламой Чойвоном Ешижамсуевым свидетельствует письмо Трубецкого Батенькову от 27 февраля 1853: «Нынче утром ходили смотреть похороны чиновника из братских, которого отпевал сам Хамба Бандита, первосвященник ламский, случайно приехавший» [Батеньков 1989: 21]. Похороны, сопровождавшиеся молебном с участием Хамбо-ламы, – явление не рядовое: хоронили первого бурятского ориенталиста Д. Банзарова, знакомого как Бестужевым, так и семье будущего буддийского иерарха Д.-Д. Гомбоева. Приезд Хамбо-ламы в Иркутск совпал с визитом туда Н. Бестужева.

Знакомство же самого Трубецкого с Чойвоном-Дорже могло произойти в одну из поездок князя в Кяхту; в 1852 г. его дочь Александра стала женой троицкосавского градоначальника Н. Р. Ребиндера. С 1852 по 1855 г. князь трижды бывал в Кяхте, дорога к которой шла вблизи монастыря. Встреча могла состояться как в дацане, так и усадьбе Бестужевых, куда Трубецкой непременно заезжал, а Хамбо-лама бывал нередким гостем, судя по упоминаниям братьев. Разумеется, круг общения главы буддистов был обширным, охватывал все возможное начальство и миссионеров, включая епископа Вениамина – «отличного знатока Сибири», по мнению всесильного главы Синода Победоносцева [Трубецкой 1987: 235]. Кстати, прежнего иркутского епископа И. Кульчицкого один страстный недоброжелатель величал «тайным буддистом», зная, что епископ вдумчиво вникал в религию инородцев, предназначенных к обращению в «истинную веру».

Декабристу Константину Петровичу Торсону (1793–1851), одному из первооткрывателей Антарктиды, члену Северного тайного общества, принявшему туда братьев Николая и Михаила Бестужевых, довелось познакомиться с ламами-лекарями (эмчи). В письме Николаю Бестужеву в Петровский Завод он рассказал, как удалось помочь умирающему товарищу: «Совершенная невозможность получить медицинского пособия заставляли испытать последнее средство: призвать ламу. Первого ноября по желанию П. В. явились двое, которые ему были известны по репутации их удачного пользования. После внимательного расспроса они дали лекарство, унимающее жар: следствием... было, что больной провел ночь покойнее, несколько уснул. Поутру по настоянию Лам ему сделали ванну для ног, после этого он еще уснул» [К. П. Победоносцев... 1923: 947].

Об интересном эпизоде, связанном со встречей с ламами, повествует и Николай Бестужев. Однажды ему довелось присутствовать при обряде вызывания

дождя ламами, и он описал событие, немало удивившее его: «Начал как будто нарочно накрапывать дождь, и когда гром барабана и тарелок, звон колокольчика и возвышенные голоса лам слились с ревом ветра – блеснула молния, загредел гром и пролился обильный дождь, который разогнал всех – и молельщиков и любопытных» [Три письма декабриста Торсона 1926: 44]. Очевидно, кто-то из лам или знакомых сообщил ему о проведении ритуала, должного спасти небогатые покосы и посеvy от засухи.

Систематический интерес к изучению буддизма и деятельности буддийских лам проявлял брат Николая Бестужева Михаил. В письме Николая Александровича от 27 августа 1852 г. одному из своих корреспондентов есть приписка Михаила: «статью о ламах я вам скоро вышлю». Речь о статье про забайкальских лам, которую Михаил Бестужев готовил с 1850 по 1852 г. В письме от 29 мая 1852 г. ученика декабристов П. Кельберга И. Корнилову, двоюродному брату адмирала В. А. Корнилова, это обстоятельство достоверно и полно засвидетельствовано: «Михаил Александрович Вам кланяется, он пишет статью о ламах и тибетской медицине; он приобрел для Вас тибетские лекарства и инструменты, употребляемые при их медицине и богослужении» [Письма из Сибири... 1929: 105]. Собиратель научного наследия декабристов М. Семевский в рукописном «Некрологе» отмечал в числе ненапечатанных статью декабриста о буддизме. В томе под названием «Записки братьев Бестужевых 1797–1860 гг.», подаренном М. Бестужевым Семевскому в 1860 г., значится «Буддийская космология» О. Ковалевского. Семевский посчитал фамилию монголоведа псевдонимом Бестужева. Текст, написанный пером младшего Бестужева, есть ни что иное, как извлечения из означенного труда. Конспект только подтверждает устойчивость интереса братьев к буддизму.

31 декабря 1852 г. М. Бестужев написал Корнилову посвященное буддийской теме письмо: «Со следующей почтой Вы получите посылку, заключающую, во-первых, рукопись о ламах. Прошу Вас, не ищите в ней систематического изложения или цветистого слога. Я знаю, что Вам ни то, ни другое не нужно, а нужны материалы, которые я и помещал, как они попадались под перо... Прошу извинить, если Вы многое найдете неполным и даже неточным... Книжный язык лам к простонародному относится почти так же, как латинский к французскому. К тому же все идеи и понятия религиозные вовсе чужды идеям и понятиям простолюдинов... В той же посылочке Вы найдете: 1) черепаху, 2) черный рог тибетской сайги, 3) железные модельки инструментов их домашнего быта, 4) свертки молитв и мани (четки. – *И. В.*), завернутые в хадак... Наконец, восемнадцать бурханов. Мне хотелось послать к Вам изображения их святых, коим посвящены разные кумирни. Но мне не доставили всех, да и доставленные не означены, к каким кумирням принадлежат; не могу добиться от хамбо-ламы» [Там же]. Н. Бестужев встречал места поклонения бурят: «Сколько я ни добивался значения и различия между этими молебнями (бумханы, обо, дарсаки. – *И. В.*) даже от самого Хамбо-ламы, ответ был всегда один и тот же, что они различаются

только по роду службы» [Естественно-научное наследие... 1995: 76]. Конечно, значение обрядовой стороны буддийского учения немаловажно, но, думаю, если бы вопросы коснулись фундаментальных буддийских принципов, монахи вряд ли ограничились бы столь кратким и формальным пояснением.

Еще в одном письме Корнилову (не ранее 1851 г.) М. Бестужев пишет любопытную вещь: «На память посылаю Вам для *Вашей домашней кумирни* (курсив мой. – И. В.): 1) гусун-тук (молитвенник, которым они благословляют. К нему иногда присоединяют другие молитвы для того, чтобы были под рукою, но этот необходим); 2) хонхо (медный колокольчик), 3) дамбур (двойной бубенчик), 4) очир (двойной медный жезлик), 5) четыре бурятских образа главных четырех лиц их мифологии» [1854: 78].

Буддийские культовые предметы, иконы, статуэтки и многое другое, что через декабристов отправлялось в дома их друзей и знакомых любителей экзотики, поселенцы могли и, скорее всего, испрашивали у Хамбо-ламы или вещи заказывали хорошим мастерам по его распоряжению и расположению. Интересы чаще всего бывали обоюдными и в основном касались дел незначительных, но, когда у Хамбо-ламы Ешижамсуева возникли трудности, он, зная о широких связях ссыльных дворян, писал Бестужеву: «Добрейший Михаил Александрович, нельзя ли сообщить мне тайное сведение, от кого кому именно поступили жалобы на меня, вероятно, это Вам известно, прошу снабдить меня записочкою... Остаюсь уверенным... что просьба моя секретная не останется без Вашего внимания. Простите меня великодушно. Уважающий Вас навсегда Чойвана Доржи» [Естественно-научное наследие... 1995: 182]. Письмо и просьба о конфиденциальном ответе указывают на владение ламой (или его доверенным лицом) русским языком.

Эти разрозненные, но достоверные факты наглядно свидетельствуют об устойчивых и довольно тесных контактах декабристов и местных лам. Живя в Селенгинске, декабристы дружили с двумя-тремя семействами, но знали почти всех. Старались помогать молодым талантливым юношам. Используя сохранившиеся связи, М. А. Бестужев хлопотал за молодого племянника Хамбо-ламы, сопровождавшего братьев при обследовании Гусиного озера. В письме 24 октября 1849 г. он писал: «... предстоит перед очами Вашими общий наш знакомец Дамба Вамбуев. Причина явления его в Иркутск Вам уже давно известна. Средства для осуществления сего явления, вероятно, поставят его в неприятное положение, из которого он... едва ли выйдет без помощи добрых людей, из коих я и он считаем Вас в числе первых. В чем дело, объяснит Вам Дамба лично, я же прошу – оградите его от нападений и похлопочите за него. Об этом же я пишу к А. О. Стадлеру» [Ордынский 1902: 80]. Корнилов оказал помощь Вамбуеву в Забайкалье, а затем в Петербурге. В его записях отмечено, что «Дамба Вамбуев – староста хатагинова рода, три года с другими девятью бурятами жил у английских миссионеров – Роберта Юилля. Учился христианскому закону, греческому и латинскому языкам; а теперь при Гусиноозерском дацане в звании абаши, т. е. дал обет не

убивать никого и исполнять пять правил добродетели». Вторая запись: «... когда я уезжал в 1850 году обратно в Петербург, Дамба Вамбуев узнал об этом от Бестужевых, приехал в Иркутск и просил меня взять его в Петербург. В Петербурге рекомендовал А. Д. Башмакову, который представил его... даже Государю» [РО ИРЛИ, ф. 604, л. 224, 225об.]. Вамбуев не раз бывал в Петербурге, а в 1872 г. земляки отправили его «уполномоченным для возбуждения перед царем Александром Николаевичем и его правительством ходатайств по религиозным и прочим вопросам» [Барановская 1954: 409].

В целом интерес поселенцев к буддизму и его обрядовой стороне имел характер прикладной, а сообщения с монахами были дружескими и соседскими; вряд ли кто-нибудь из них, сидя по вечерам или рано утром, перебирал четки, произнося мантры.

Последствия знакомства с Хамбо-ламами и родства одного из братьев Бестужевых с Дампилом Гомбоевым (1831–1894) нуждаются в анализе, превосходящем возможности автора. Тема эта не развита и не оценена в полной мере, но очевидно: люди из окружения Хамбо-лам узнавали и проникались русской культурой. Немногие принимали православие, успешно делая карьеру не в последних эшелонах российского истеблишмента. Блестящий пример – Н. Гомбоев – «русский подданный, бурят по происхождению, начальник почтовой конторы, через которую шла вся официальная дипломатическая переписка русской миссии в Пекине» [ГАРБ, ф. 8, оп. 1, д. 225]. Судя по фамилии «Гомбоев», его родителя звали Гомбо, однако современный лама Тамчинского дацана Гончик Будаев говорил, что в народе отца звали Цыдынжап-ламбагай. Он, как гласила молва, был «великим ламой».

Есть письмо Николая Ивановича к Потанину 1891 г., содержащее прямое указание на родство с Хамбо-ламой: «Пекин. 25 июля 1891 г. Многоуважаемый Григорий Николаевич! Искренне благодарен за любезнейшее письмо... Собираясь писать к Вам, но первое время болел... От брата хамбы не имел в течение трех месяцев ни одного письма... Ужасно беспокоился, что он помер, но дня три тому назад тяжелая почта привезла от него письмо от 15 июня, в котором второпях пишет, что едет в Чолутаевский дацан на встречу цесаревича...» [Леонов, Ухтомский 1985: 111].

Этот влиятельный человек – младший брат Хамбо-ламы Д. Гомбоева – стал зятем государственного преступника – декабриста Н. Бестужева, женившись на его дочери. В принятии Найданом православия проявилась жизненная стратегия самого новокрещенного Николая Ивановича и, допуская, могло сказаться обаяние боровшихся за воплощение возвышенных идеалов дворян, ставших близкими родственниками. Свидетельство православного миссионера позволяет составить представление о выборе имени и начале карьеры Найдана-Николая: «Судьба маленького храма, составляющего предмет утешения... малой христианской общины... Начало ей положил помощник тайши, язычник Найдан Гомбоев, не из усердия, а из видов честолюбия.... Ему было дано дозволение устроить церковь

во имя Святого Николая Чудотворца, которого чтут и некрещенные буряты, а в пособие выдана соборная книга... Найдан, может быть, взял имя тестя или святого угодника, в чью славу собирался поставить церковку. Однако в начатом деле Найдан не проявил ожидавшегося трудолюбия: через некоторое время миссионер донес начальству, что строитель Гомбоев уехал, бросивши постройку церкви без всякого отчета» [Фонды Красноярского краеведческого музея]. Храм достроил селенгинский родоначальник (тайша) во святом крещении Дмитрий Минеев.

Невозможно не упомянуть о том, что зять Бестужева имел отношение к появлению Сандалового Будды в России в начале прошлого века. Первоначально статую привезли в Гусиноозерский дацан. История была тайной и лишь сравнительно недавно на нее пролит свет. А. А. Терентьев обобщил обнаруженные другими и им самим материалы в книге «Сандаловый Будда раджи Удаяны». Коротко говоря, Н. Гомбоев получил телеграмму от представителя далай-ламы в России бурята А. Доржиева. Речь шла о том, что наступил подходящий момент выкупить за деньги или золото сандаловую статую, находящуюся в китайском храме Сандан-Сы. Консул Гомбоев и два ламы Эгитуйского дацана договорились с главой охраны посольства казачьим селенгинским атаманом Бато Айсуевым. Небольшая группа посвященных тщательно разработала и блестяще осуществила операцию.

Судьба «сводила» опытного коллекционера Гомбоева со многими выдающимися памятниками истории и культуры буддийского мира. Он предлагал Петербургскому университету экземпляр рукописного Ганчжура (проповедей Будды) на монгольском языке на условиях, что тот примет «на себя бесплатное обучение трех сыновей и оплатит обучение дочери в Иркутске» [Забайкальская духовная миссия... 1883: 30–31]. Дом Н. И. Гомбоева был наполнен многими буддийскими редкостями. Стала ли дочь Н. И. Бестужева, будучи замужем за братом буддийского иерарха, буддисткой – неизвестно, но знание культуры буддизма (невозможное без понимания доктрины) очевидно. Известно, что при открытии выставки предметов буддийского культа в Иркутске один из организаторов – знаменитый Потанин, просил Екатерину Дмитриевну о консультациях.

Отдельно стоит сказать о внебрачных детях Николая Александровича Бестужева, родившихся и выросших в Забайкалье. Доподлинно о матери внебрачных детей неизвестно, но, по мнению исследователя В. В. Гапоненко, ею стала вхожая в дом Бестужевых «молоденькая, красивая девушка с открытыми ясными глазами, невысокого роста, подвижная и жизнерадостная, бойкая и доброжелательная» [Там же]. Их первенец вырос как «умный и благородный человек необыкновенной доброты, талантливый самородок... Дети росли в среде, где говорили на родном языке оба родителя, где в беседах братьев свободно звучала французская речь. После смерти сына декабриста, прожившего жизнь под именем Алексея Дмитриевича Старцева, в его шкатулке были обнаружены документы, свидетельствующие о настоящих родителях. Очевидно, Старцев гордился своим настоящим отцом: он носил перстень, выкованный Бестужевым из своих

кандалов. Однако жизнь он прожил с фамилией и отчеством друга Бестужева – Дмитрия Старцева, который некогда усыновил его. Благодаря уму и незаурядным свойствам личности, Алексей Дмитриевич Старцев стал богат; приобрел заметный вес в политических сферах. Он свободно владел китайским, французским, английским, русским и монгольским языками. Купец, как и генеральный консул в Пекине П. С. Попов, имел влияние на ход экономического развития русско-китайского «узла» в Сибири; на франко-китайские отношения, принимая участие в переговорах французов с китайцами. Имел награды от правительства Франции, в частности орден Почетного легиона. Будучи уже коммерции советником, «А. Д. Старцев, когда ему предложили вступить в дворянское сословие, категорически отказался» [Гапоненко 1991: 33]. Причина столь твердого отказа неясна, но имела, должно быть, веские для него основания.

Известно, что он скончался от разрыва сердца при сообщении о гибели его знаменитой буддийской коллекции. Единственная в мире по полноте она «была известна иностранным ученым; парижский музей... предлагал... 3 миллиона франков. Старцев отказался... Его библиотека, заключающая редкие и древние книги по востоковедению, как печатные, так и рукописные, не имела равной в мире», – сказано в «Приамурских ведомостях» (номер газеты отыскан журналистом В. Бараевым). Обладание огромными научными сокровищами, стоимостью в миллионы рублей, указывает, что покойный, как подчеркнуто в некрологе, «не был чужд служения высоким интересам человечества, и на пользу науки тратил колоссальные суммы». Это не удивительно, поскольку он, как и Гомбоев, видел много буддийских книг и предметов, которые ценили, пользовались или любили родные и близкие им люди.

Доподлинно известно, что декабристы вели обширную просветительскую деятельность среди местного населения. Русскому языку учить желающих Бестужев начал еще в школе при каземате Петровского Завода, а их селенгинский сосед Константин Торсон, приехавший раньше товарищей, открыл в своем доме школу для обучения грамоте и ремеслам детей местного населения. «Желая добра, всякого стараясь снабдить знаниями... декабристы завели у себя школу, где учились и дети. Один из них, селенгинец Убугун Сарампилов, овладел токарным мастерством и стал их помощником. Скульптор-самоучка Анай Унганов по рекомендации Бестужева выполнял “лепные работы и отделку недавно выстроенного театра и других сооружений”» [Там же]. Ученик Н. Бестужева З. Зодбоев по окончании ургинской школы переводчиков сопровождал экспедиции Ровинского и Козлова.

Коснемся круга людей, объединенных сходными интересами, коммерческими связями и, что очень важно, людьми дружественными, настроенными на волну созидания в сфере приложения дарований своих и других. Это современники разных возрастов, но вместе они насыщают и облагораживают тонкий слой культуры. Они причастны к изданию трудов первого бурятского ориенталиста Д. Банзарова. Г. Потанин, иницилируя издание, обращается за помощью к землякам

ученого – Юмжану Лумбунову и Хамбо-ламе Д. Гомбоеву (буддист Гомбоев в 1891 г. давал деньги на издание материалов по шаманизму М. Н. Хангалова). Трудности издателей нередко состояли в недостатке средств. Своевременную финансовую поддержку оказывал А. Старцев, именовавший себя «крещеным бурят», зять Бестужева Николай Гомбоев (тоже крещеный бурят) и удунгинский казак Ю. Лумбунов. При переписке по поводу финансирования издания выявились (любопытные мне) сведения о знакомстве адресатов с Д. Банзаровым. Из Пекина 23 февраля 1889 г. Н. Гомбоев писал: «Банзарова знал Старцев, да и я видел его у отца, у которого гостил он недели две. В то время г-н Поплавский производил следствие на Тамчине... Тогда мне было лет 14» [Гапоненко 1991: 182].

Хамбо-лама Д.-Д. Гомбоев, его младший брат и А. Старцев состояли членами ВСОРГО, имевшего влияние на развитие культуры и науки Забайкалья. Дочь Бестужева разбиралась в сложностях буддийской иконографии. В 1887 г. она привезла подросших дочерей Екатерину и Наталью в Иркутский девичий институт. Потанин, рекомендовавший ее мужа, брата мужа, ее собственного брата в члены ВСОРГО, просил, кстати, оказавшуюся в городе г-жу Гомбоеву не только о советах, но и экспонатах, способных придать блеска и полноты задуманной им с товарищами буддийской выставке.

Всегдашняя готовность к познанию и щедрость в отдаче знаний благоприятствовала тому, что ученики декабристов безболезненно миновали ситуацию, которую верно обрисовал Ю. С. Ширапов, говоря о возможности трагического разлада человека, изъятого из привычных условий быта и иного рода ценностей. Он провел параллели между судьбой Д. Банзарова и Ч. Валиханова, «которые, получив европейское образование, так и не смогли найти общий язык со своими земляками, испытав настоящее “горе от ума” в его восточном варианте» [Харитонов В., Харитонов М. 1997: 182].

Ни ламы, ни декабристы, ни их потомки не знали горя от ума, поскольку всегда были заняты делом. Выдумки, что ламы не работают, бывали «на руку» чаще всего противникам буддизма как такового и лам как носителей идеи. Лама Ч. Мархаев в бытность свою Хамбо-ламой доказывал, что ламы не бездельники, «что множество вещей делается дома, в Забайкалье. Искусство, проявляемое при этом бурятами, удивляет всякого приезжего из России» [Цыремпилов 2013: 300]. Мнение, что ламы – «обиралы прихожан» – это «злостные выдумки, и каждый, кому удастся... познакомиться близко как с бурятами, так и с их ламами, может в этом убедиться» [Ордынский 1902: 80]. Мастеровитые люди среди лам, декабристов и других жителей края всегда подмечали новинки. «Лама Цаган... знавший Бестужевых, говорил... что эти большие люди научили нас ярицу кушать, т. е. делать из нее муку и печь в золе лепешки», а Хамбо-лама Гомбоев, «весьма умной старик... хороший знакомый Бестужевых, к которому они приезжали “для религиозных споров” (его выражение) ... говорил: “Всегда работали, работали без отдыха...”» [Залкинд 1926]. Н. Бестужев говорил, что вполне постиг дух бу-

рятского народа, но поскольку он сам явился предметом пристального внимания искони живущих вокруг людей, то дух русского народа через призму как его, так и других декабристов, стал бурятскому народу понятнее и ближе.

Пропуская изложенные факты через магический кристалл собственных раздумий, можно осознать условность понятий, которыми ум привычно оперирует. В самом деле, на берегу российской ойкумены, кажущемся кому-то пустынным, строили «корабли» и отправлялись в «плавание» по морям постигаемого умом и всеми чувствами мира отважные и любознательные странники духа с разного цвета кожей. Центром их мира может стать любая окраина; столицей – глухая провинция, озаренная ярким факелом созидательного ума.

Источники

ГАРБ, ф. 8, оп. 1, д. 225.

РО ИРЛИ, ф. 604, д. 16, л. 11об., 224–225.

РО РНБ, ф. 377, оп. 1, д. 769, л. 11об.

Фонды Красноярского краеведческого музея. ККМ о/ф. 7928/1315-376.

Литература

Барановская М. Ю. Декабрист Николай Бестужев. – М., 1954.

Батеньков Г. С. Сочинения и письма. Т. 1. – Иркутск, 1989.

Бестужев Н. Гусиное озеро // Вестник естественных наук. – 1854. – С. 78.

Васильева И. Г. К постановке проблемы исследования взаимоотношения декабристов с представителями иных конфессий (буддизма) // Бестужевские чтения. – Улан-Удэ; Новоселенгинск, 1991.

Забайкальская духовная миссия 1862–1863 гг. / Письма из Посольского монастыря Епископа Вениамина // Труды православных миссий Восточной Сибири. Т. 1: 1862–1867. – 1883. – С. 30–31.

Залкинд Л. Из жизни декабристов братьев Бестужевых в Селенгинске // Тайные общества в России в начале XIX столетия. – М., 1926.

Гапоненко В. В. К вопросу об имени матери детей декабриста Н. А. Бестужева // Бестужевские чтения: тез. докл. XI науч.-практ. конф., посвящ. к 200-летию Н. А. Бестужева. – Улан-Удэ; Новоселенгинск, 1991. – С. 33.

Естественно-научное наследие декабристов. – М., 1995.

Мемуары декабристов. – М., 1988.

Лотман Ю. М. Избранные статьи. В 3-х т., т. 2. – Таллинн: Александра, 1992.

Леонов Г. А., Ухтомский Э. Э. К истории ламаистского собрания Государственного Эрмитажа // Буддизм и литературно-художественное творчество народов Центральной Азии. – Новосибирск, 1985.

Ордынский А. И. Забайкалье и монголо-буряты буддисты // Сибирский наблюдатель. – 1902. – № 8. – С. 80.

Письма из Сибири декабристов Бестужевых. Вып. 1. – Иркутск, 1929.

Победоносцев К. П. и его корреспонденты. Т. 1, полутом 2. – М.; Пг., 1923.

Трубецкой С. П. Письма, дневники 1857–1858 гг. Т. 2. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987.

Три письма декабриста Торсона // Жизнь Бурятии. – 1926. – С. 44.

Успенский В. Буддийский канон // Книга Монголии. Альманах библиофила. Вып. 24. – М., 1988.

Харитонов В., Харитонов М. Об истории первого собрания сочинений Д. Банзарова // Тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. «Банзаровские чтения», посвящ. 175-летию со дня рождения Д. Банзарова. – Улан-Удэ, 1997.

Ширапов Ю. С. Роль буддийского фактора в мировоззрении бурятской интеллигенции // Из истории философской и общественно-политической мысли стран Центральной и Восточной Азии. – Улан-Удэ, 1995.

Цыремпилов Н. В. Буддизм и империя. Бурятская буддийская община в России (XIII – начало XX в.). – Улан-Удэ, 2013.